

Сказка трехтысячнаго вѣка о томъ, какъ прекратились войны на землѣ.

Это, дѣти, было давно, давно, когда еще существовали войны, когда люди убивали другъ друга и учились убивать и о чемъ вы теперь слышите, какъ о какой-то сказкѣ. Умъ человѣческій тогда, какъ и теперь быстро шель впередъ по пути знаній; открытія и изобрѣтенія слѣдовали другъ за другомъ непрерывнымъ рядомъ, умъ быстро совершенствовался, но сердце человѣческое не поспѣвало за умомъ: оно плелось далеко сзади него, плелось, какъ разслабленный старецъ.

Тогда люди равнодушно проходили мимо подваловъ и жалкихъ лачугъ, наполненныхъ ужасною бѣдностью, исхудалыми, замученными непосильною работою и болѣзнями мужчинами и женщинами и ихъ полуголодными, оборванными дѣтьми, которыхъ если

и ласкало что, такъ только одинъ блѣдный, отуманенный копотью и пылью, лучъ солнца, иногда украдкой забиравшійся въ эти темные, сырые подвалы и нездоровыя жилища.

Но не думайте, что были злы и совсѣмъ равнодушны къ несчастіямъ ближнихъ, — у нихъ было только слабое, слѣпое сердце, не позволявшее имъ видѣть и чувствовать сквозь стѣны домовъ и все то, что происходило далеко, далеко отъ ихъ глазъ; они только знали про это, но не чувствовали такъ, какъ бы чувствовали, если бы все это совершалось у нихъ передъ глазами.

Тогда людямъ нужно было слышать голосъ нужды и видѣть ея наготу и грязь, чтобы приходиться къ ней на помощь, и не они шли къ нуждѣ, а нужда къ нимъ, протягивая руку съ мольбою о помощи, съ заунывнымъ гнѣиемъ и музыкой по улицамъ и дворамъ городовъ и даже съ артистическими концертами и зрѣлищами въ роскошныхъ зданіяхъ, и люди тогда шли и помогали и словомъ, и дѣломъ.

И вотъ въ это-то время и существовали войны; люди боролись съ оружіемъ въ рукахъ; отстаивая другъ противъ друга свою свободу, свою независимость, свои дома и земли, свое право на существованіе среди другихъ народовъ.

Жиль тогда одинъ народъ, сильный и могущественный; его теперь нѣтъ; онъ разсѣялся и смѣшался съ другими народами по всему лицу земли, какъ въ глубокой, глубокой древности были разсѣяны евреи, и за то же преступленіе, за преступленіе противъ высшей справедливости.

Никогда никто и ничто не угрожало границамъ этого государства, никто не покушался на его свободу, на его земли, напротивъ оно всегда угрожало другимъ народамъ и нападало на нихъ, выбирая слабѣйшихъ, не могшихъ противъ силы противопоставить силу. И эти войны, войны этой націи велись только ради денегъ, ради богатства, такъ какъ этой страной управляли золото и жадность.

И не было ни одной страны на всей нашей планетѣ, гдѣ бы это государство не лило человѣческой крови, и ни одного года не проходило безъ этого.

И вотъ однажды, когда могущество его достигло высшихъ предѣловъ, ненасытная жадность, ненасытная любовь къ богатству и деньгамъ заставила его внезапно обрушиться на одинъ маленькій, безобидный народецъ, жившій самъ и дававшій жить другимъ, нашедшій себѣ пріютъ въ пустынной странѣ, ушедшій туда изъ своего отечества

въ години невзгодъ и притѣсненій отъ сильныхъ.

Но народъ этотъ храбро отбилъ нападеніе могущественной націи, нападеніе разбойника на путника. И эта нація, нарушивъ своимъ набѣгомъ всѣ Божескіе и человѣческіе законы, требовала къ себѣ въ то же время примѣненія этихъ законовъ и пользовалась ими.

Но могущественная нація не остановилась на этомъ и опять всѣми своими силами обрушилась на этотъ народъ.

Кровь полилась рѣкою. Мужчины, женщины, дѣти — всѣ, какъ одинъ, стали отстаивать свою свободу, свое право на жизнь у себя дома, по своимъ законамъ. Рядомъ съ отцемъ умиралъ сынъ, рядомъ съ дѣдомъ — внукъ.

И на помощь къ изнемогающимъ въ неравной борьбѣ шелъ и германецъ, и славянинъ, и латинянинъ, представители націй, постоянно враждовавшихъ между собою, шли — соединенные однимъ желаніемъ возстановить попорченную правду, возмущенные несправедливостью, алчностью и коварствомъ, которые несла въ міръ на своемъ знамени эта могущественная нація.

Но общій голосъ народовъ молчалъ.

И вотъ тутъ явилось великое изобрѣтеніе, которое, само того не подозрѣвая, при-

шло на помощь бѣдному человѣческому сердцу, отуманенному жизнью, заставило это сердце сильнѣе биться, трепетать, сильнѣе негодовать и чувствовать неправду и зло.

Вы знаете его, это великое изобрѣтеніе основанное на беспроволочномъ телефонѣ и законахъ миражей—оно теперь повсюду, въ каждомъ жилищѣ: достаточно нажать тотъ или другой винтъ—и передъ вами, какъ на экранѣ, въ глубинѣ комнаты развертывается жизнь той или другой страны и народа, вы не только видите ихъ движеніе, но и говоръ, и смѣхъ, и шумъ водопада и вой вѣтра.

До этихъ поръ люди негодовали про себя на эту несправедливую войну, подсчитывали убитыхъ, раненыхъ, плѣнныхъ, не подозревая и не чувствуя, сколько въ каждой мертвой цифрѣ таится и драмы, и ужаса; держали пари за тотъ или другой исходъ сраженія, смѣялись, шли въ театръ, гдѣ смотрѣли, какъ артистъ убиваетъ свою артистическую жену, плакали сладкими слезами умиленія отъ его игры, вызывали за его артистическое, увы, только артистическое, а не правдивое, иначе они всѣ убѣжали бы, исполненіе роли и побѣдоносно, какъ будто совершилось событіе, которое облагодѣтельствуетъ всѣхъ униженныхъ и оскорбленныхъ, трубили объ этомъ по всему свѣту. А бѣдный народъ продолжалъ умирать и

никто за него не заступался и къ нему шли на помощь только одиночные люди, особенно чуткіе сердцемъ.

Это изобрѣтеніе, въ связи съ войной, сулило громадныя барыши, и вотъ повсюду съ лихорадочной быстротой стали строиться зданія — нужно было спѣшить: война могла кончиться, маленькій народецъ могъ быть вырѣзанъ до одного и главный интересъ пропалъ бы.

Зданія были готовы и народъ хлынулъ, — хлынулъ и оцѣпенѣлъ. Онъ остановился, застылъ, какъ бы прикованный къ мѣсту — ничего подобнаго онъ не ожидалъ увидѣть.

Послышался истерическій плачь, стоны, возгласы — это плакали и рыдали женщины; онъ толпой, съ застывшими, тупымъ ужасомъ на лицахъ выбѣгали вонъ изъ зданія и опять неудержимо стремились назадъ къ этому страшному зрѣлищу, какъ къ магниту.

Былъ рукопашный бой. Доносился тяжелый грохотъ орудій, заглушаемый стопами и предсмертнымъ хрипѣніемъ умирающихъ криками помощи, проклятій и побѣднаго торжества,

Вотъ старикъ охватилъ одной рукой припавшаго къ нему на плечо смертельно раненаго сына, а другой, свободной, слабо отражалъ удары нападавшихъ двухъ ружий дѣтннѣ.

Публика, какъ одинъ, бросилась на помощь къ старику, но что она могла сдѣлать — это было только отраженіе. Старикъ былъ убитъ и трупъ сына прикрылъ трупъ отца.

«Воды, воды», — шептали запекшіяся губы умирающаго юноши, безпомощно старавшагося приподняться и устремившаго потухающіе глаза свои куда-то вдаль, гдѣ можетъ-быть мерещились ему его мать, сестры.

И толпа опять бросалась, отчаянно крича «воды» и опять отпрядывала назадъ.

Вотъ мужественно отбиваются двое молодыхъ людей, защищая раненаго отца, и кричать о помощи; но они не видятъ, что кругомъ ихъ всѣ пали, что они одни и что сзади готовятся на нихъ напасть еще нѣсколько человѣкъ.

— Остерегитесь, обернитесь! — кричитъ имъ толпа, но юноши не слышатъ предостерегающаго возгласа и падаютъ, сраженные десятками ударовъ штыковъ. Толпа вѣ себя, и если бы это было только возможно, она перенеслась бы, какъ одинъ человѣкъ, на крыльяхъ вѣтра, на блескъ молніи туда къ нимъ, на помощь гибнущимъ.

— За что, за что? — кричитъ и волнуется толпа, — за что они гибнутъ? — Да только за то, что отъѣвшейся на чужихъ хлѣбахъ и

разбогатѣвшей чужимъ богатствомъ націи понадобились крохи и этихъ несчастныхъ, понадобились ихъ земли, ихъ имущество. Только за то.

Театры, зрѣлища и всякія удовольствія прекратились сами собой. Было не до нихъ: на глазахъ гибъ народъ, зло торжественно шествовало по трупамъ убитыхъ, смѣялось надъ горемъ осиротѣлыхъ семей и подсчитывало барышни. И все это на глазахъ, на глазахъ у каждаго, и не было силъ оторваться отъ этого страшнаго зрѣлища, не было возможности спрятаться отъ него. И правда ожила, негодование электрической искрой пробѣжало по народамъ — и вотъ раздался могучій и грозный голосъ...

Какъ по волшебству, разомъ замолкли жерла орудій и могущественная нація приниженная своимъ собственнымъ безстыдствомъ и уstraшенная народнымъ негодованіемъ, вывела свои войска изъ обагреной кровью земли маленькаго народа.

Война прекратилась.

И вотъ тогда началось движеніе и заработало сердце. Великое изобрѣтеніе стало отражать въ себѣ всѣ невзгоды, всѣ народные бѣдствія и говорило краснорѣчивѣе и убѣдительнѣе всякихъ словъ, и не тысячи, а миллионы рукъ и сердець шли на помощь

слабымъ и угнетеннымъ, обездоленнымъ и бѣднымъ. Люди поняли, что мало отличаться отъ животныхъ умомъ,—нужно отличаться и сердцемъ. Войны прекратились и стали гибнуть неправда и зло.